
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
К 100-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

**Внутренняя форма между логикой и семантикой:
В. фон Гумбольдт – Г. Шпет – Р. Якобсон – Н. Жинкин**

© 2021 г. Б.И. Пружинин^{1*}, Т.Г. Щедрина^{2**}

¹ *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

² *Институт социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МППУ), Москва, 119435, ул. Малая Пироговская, д. 1.*

* E-mail: prubor@mail.ru

** E-mail: tannirra@mail.ru

Поступила 14.01.2021

Поводом для написания данной статьи послужило письмо Николая Ивановича Жинкина Павлу Сергеевичу Попову (публикуемое ниже), в котором обсуждается важнейшая логико-эпистемологическая проблема соотношения сознания и языка. Авторы погружают идеи, высказанные Н.И. Жинкиным в поздний – психологический – период творчества, в контекст его ранних – философских – интересов, мотивированных концептуальными построениями его учителя Г.Г. Шпета (прежде всего, его феноменологически ориентированными исследованиями «внутренней формы слова»). Центральным для авторов статьи оказывается понятие «внутренней форма», европейские истоки его возникновения, траектория его исторического движения в России из философии (Г.Г. Шпет) в лингвистику (Р.О. Якобсон) и психологию (Н.И. Жинкин), а также смысловые трансформации, происходящие с ним при переносе из сферы философии в конкретные научные области знания. При этом демонстрируется историческая преемственность русской дореволюционной философии и научно-гуманитарной мысли советского периода. В методологическом плане авторы акцентируют внимание на особенностях применения философских идей в их проекции на формирующиеся собственно научные позитивные исследования. Когда положительная (пусть и гуманитарная) наука усваивает какой-либо инициированный философией подход, она акцентирует релевантные к данной, исследуемой предметной области аспекты его концептуального содержания, и тем самым определяет его идейный и понятийный потенциал. Такое смысловое ограничение философских идей и понятий, возникающее в ходе их проекции на позитивное научное исследование, останавливает их динамику, что является неизбежной расплатой за их конкретную когнитивную эффективность.

Ключевые слова: история русской философии, феноменология, лингвистика, психология, внутренняя форма, язык, речевая деятельность, В. фон Гумбольдт, Г. Шпет, Р. Якобсон, Н. Жинкин, П. Попов.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-91-104

Цитирование: Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Внутренняя форма между логикой и семантикой: В. фон Гумбольдт – Г. Шпет – Р. Якобсон – Н. Жинкин. Жинкин Н.И. Письмо П.С. Попову. Публикация Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 91–104.

The Inner Form between Logic and Semantics: W. von Humboldt – G. Shpet – R. Jakobson – N. Zhinkin

© 2021 Boris I. Pruzhinin^{1*}, Tatiana G. Shchedrina^{2**}

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: prubor@mail.ru

² Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MPGU),
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.

* E-mail: prubor@mail.ru

** E-mail: tannirra@mail.ru

Received 14.01.2021

The reason for writing this article was a letter from Nikolai Ivanovich Zhinkin to Pavel Sergeevich Popov (has been reproduced hereafter), which discusses the essential logical-epistemological problem of the relationship between consciousness and language. The authors immerse the ideas expressed by N.I. Zhinkin in the late – psychological – period of creativity, in the field of his early – philosophical – interests, motivated by the conceptual constructions of his teacher G.G. Shpet (first of all, by his phenomenologically oriented studies of the *inner form of the word*). The concept of *inner form*, the European sources of its origin, the trajectory of its historical movement in Russia from philosophy (G.G. Shpet) to linguistics (R.O. Yakobson) and psychology (N.I. Zhinkin) is central for the authors of the article, as well as the semantic transformations that occur with him during the transfer from the sphere of philosophy to specific scientific areas of knowledge. At the same time, the historical continuity of Russian pre-revolutionary philosophy and scientific and humanitarian thought of the Soviet period is demonstrated. In methodological terms, the authors focus on the features of philosophical ideas' application in their projection onto the emerging positive scientific research itself. When a positive (albeit humanitarian) science assimilates any approach initiated by philosophy, it accentuates aspects of its conceptual content relevant to a given subject area under study, thereby determining its ideological and conceptual potential. Such a semantic limitation of philosophical ideas and concepts, arising in the course of their projection onto positive scientific research, stops their dynamics, which is inevitable retribution for their specific cognitive effectiveness.

Keywords: history of Russian philosophy, phenomenology, linguistics, psychology, inner form, language, speech activity, V. von Humboldt, G. Shpet, R. Jakobson, N. Zhinkin, P. Popov.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-91-104

Citation: Pruzhinin Boris I., Shchedrina, Tatiana G., (2021) "The Inner Form between Logic and Semantics: W. von Humboldt – G. Shpet – R. Jakobson – N. Zhinkin", Zhinkin, Nikolai I., Letter to Pavel S. Popov, Publication by Boris I. Pruzhinin and Tatiana G. Shchedrina", *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2021), pp. 91–104.

Николай Иванович Жинкин более известен в сообществе психологическом, чем в философском¹. Для этого есть основания (его труды и описанные в них эксперименты). Как писал исследователь его творчества С.И. Гиндин: «Жинкин по исходному образованию *психолог*, но получивший образование на философском отделении» [Гиндин 2010, 176]. Причем в данном случае это «но» звучит как «хотя». Однако ниже будут приведены достаточно серьезные, на наш взгляд, доводы, свидетельствующие о концептуальной (прежде всего, методологической) важности обращения к философским истокам его научно-гуманитарных исследований. Его интеллектуальный путь, как и путь многих русских ученых-гуманитариев советского времени (второй половины XX в.), ставит под сомнение тезис об отсутствии идейной связи дореволюционной и советской философии в России (см. об этом: [Алексеева 2002, 15]). Мы полагаем, что эти связи сохранились на глубинном уровне, на уровне непосредственного общения философов и ученых. Жесткое доминирование марксистской идеологии в философии советского времени привело к тому, что творчески мыслящие люди уходили из «официальной» философии в конкретные социальные и гуманитарные науки (психологию, лингвистику, филологию, семиотику, логику), где в центре находились язык, речь, слово, где сохранялись возможности экспериментальной работы с конкретным материалом, пусть и с идеологической «приправой» марксизма в качестве «методологического» базиса. И в этих условиях философские проблемы сознания и познания, обсуждавшиеся в 1920-х гг. в русском философском сообществе, приобретали конкретно-научные формы.

В молодости Жинкин был увлечен не только психологией, но и философией, его творческая деятельность 1920-х гг. характеризуется исследователями как «двусоставная». «В психологии он ученик Г.И. Челпанова, как почти все ведущие московские психологи 1920–1960-х годов – за исключением Выготского и его школы. В этом смысле он как бы младший научный брат Г.Г. Шпета – ученика Челпанова еще по Киевскому университету. Но одновременно он и научный сын Шпета. <...> уже с 1921 г. в Московском Лингвистическом Кружке, в Научном институте философии и затем в ГАХН он, конечно, идет по стопам Шпета и начинает заниматься не психологией, а философией и эстетикой» [Гиндин 2010, 176–177]. Но после ареста Г.Г. Шпета и разгрома ГАХН он, как и многие ученики и коллеги Шпета, отошел от философии (слишком идеологически односторонними стали исследования в этой области). Тем не менее проблемы, которые обсуждались в философско-гуманитарном сообществе 1920-х гг. (особенно дискуссии о внутренней форме слова, о проблемах выражения, о логике смысла и семасиологии как учении о знаках, которое разрабатывал в то время Шпет), ориентировали дальнейшие психологические поиски Жинкина. Он умел «круто менять направление своей работы» [Гиндин 1998, 350], о чем свидетельствует разносторонность его научных интересов на протяжении всей жизни: феноменология, кинематограф, теория и практика тестирования, детская психология, педагогика, экспериментальная фонетика. Последняя, кстати, оказалась наиболее созвучной его ранним философским интересам, и именно ее предметная область – анализ речевой деятельности – в конце концов оформилась в единственную, изданную при жизни Н.И. Жинкина книгу «Механизмы речи». В ней исследуется **смысловая** сторона речи – ее семантика, а текст трактуется как центральное звено речевой деятельности, где соединяются язык и смысл. Такое истолкование позволило Жинкину не отрывать речь от конкретного человека и рассматривать язык в неразрывной связи с живым общением.

Обсуждению этой книги и переводу ее на английский язык посвящена переписка Жинкина с Якобсоном. Так, в письме от 6 февраля 1958 г. Якобсон сообщает: «О Вашей замечательной работе, полной существенных открытий по вопросам подгортанной речевой деятельности и структуры слога, я много говорил в своих выступлениях и на Международном лингвистическом съезде в Осло, и в своих разных докладах в университетах, польских и западных» (Архив Н.И. Жинкина). И еще одна важная записка около 1966 г.: «Дорогой Николай Иванович, спасибо за ценную работу о внутренней речи. Очень важный круг вопросов. Жаль, что тебя не было на совещании по семиотике. Немало было занято. Но на Варшавский съезд в сентябре 1966 г. ты

должен прибыть. До этого надеюсь встретиться с тобой на съезде психологов, где собираюсь прочесть доклад о восприятии звуков речи» (Архив Н.И. Жинкина).

Конечно, уход в позитивную науку повлиял на мировоззрение Николая Ивановича. Предметом его исследований стала конкретная речевая деятельность. А вот методологический подход к феномену языка он осмысливал, опираясь на философскую, воспринятую от Шпета традицию, в рамках которой язык предстал как энергия. При этом Жинкин сохранил понятие «внутренняя форма», только применил его не к языку, как В. фон Гумбольдт, и не к Слову, как Шпет, но к речевой деятельности человека в ее соотношении с языком, с одной стороны, и мышлением, с другой. Так рождалась в России психолингвистика.

Чтобы уточнить европейские истоки воззрений Жинкина, обратимся к идеям В. фон Гумбольдта, которые стали краеугольным камнем для многих ученых-гуманитариев начала XX в., и именно они легли в основу концепции «внутренней формы слова» Г.Г. Шпета. Дело в том, что Гумбольдт раскрыл новый ракурс в понимании самой сути языка, погрузив его в исторически-конкретную данность. Гумбольдтовская трактовка языка (кстати, не только Гумбольдта, но и еще целого ряда его современников), утверждавшая, что «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energieia)» [Гумбольдт 2000, 70], значительно расширяла возможности лингвистического исследования, ограничивавшегося представлением системы языка как самодостаточной реальности, которая существует в социальном пространстве и к которой приобщается индивид, усваивая закономерности ее организации. Так что сегодня, когда, например, психолингвистика демонстрирует перспективы когнитивного подхода, она прямо отправляет нас к идеям Гумбольдта, который наделяет язык бытийным статусом и предлагает рассматривать его в совокупности со всеми особенностями сознательной человеческой деятельности и общения, придающими смысловые нюансы предметным значениям его элементов. Мы думаем, что философия еще далеко не в полной мере осмыслила эпистемологические перспективы такой трактовки языковой деятельности человека.

Конечно же, язык всегда понимался как средство общения: говорят, пишут, понимают тексты люди. Но классическая наука о языке акцентирует его самостоятельное, так сказать, объективное существование. Приходя в этот мир, человек «застает» язык с его внутренними закономерностями, исторически сложившимися нормами, системами значений и особенностями, и именно осваивает его как средство общения. Так трактует его классическая лингвистика, что позволяет ей включить в поле своих интересов и «мертвые языки», и искуственные. Между тем, Гумбольдт писал: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Там же]; «язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), а как созидующий процесс (Erzeugung)» [Там же, 69]. Осмысление феномена языка предстает у него уже не только как описание и анализ существующих, пусть и исторически меняющихся, но именно предстоящих человеку знаковых систем. И соответственно, рассматривать язык в этом ракурсе невозможно вне совокупности характеристик реального человека. Именно эту сторону языка акцентирует так называемый антропологический подход, в частности в области психолингвистики (см. об этом: [Романова 2015]).

Взгляды Гумбольдта на феномен языка нашли сегодня отклик в различных областях позитивных научных исследований, причем не только сугубо гуманитарных. Так, при внимательном историко-культурном рассмотрении влияние его идей можно обнаружить, например, в предпосылках современных биосемиотических разработок Я. фон Иксюля, Т. Себеока, Дж. Проди, Х. Патти и др. (см. об этом: [Князева 2015]). Но при этом, прослеживая участие гумбольдтовских трактовок языковой деятельности в развертывании положительных научных направлений, мы обнаруживаем в этих трактовках весьма значительные «идейные дополнения». Мы полагаем, что в значительной мере благодаря этим «концептуальным дополнениям» в конкретных областях гуманитарной науки открывались новые исследовательские горизонты. Именно так

продвигалась рецепция идей Гумбольдта и в России. В частности, важнейшим «дополнением» такого рода было, на наш взгляд, соотнесение идей Гумбольдта с феноменологической философией Эдмунда Гуссерля, которое последовательно осуществил в свое время Густав Шпет.

Предпринятый Г. Шпетом перенос идей феноменологии на гумбольдтовскую трактовку языковой деятельности позволяла представить ее как форму осуществления интенциональности, как имманентную форму направленности сознания на вещь, и тем самым акцентировать историческую определенность смысловых структур. Но при этом подчеркнем, и само идейное содержание феноменологической философии было Шпетом несколько скорректировано и дополнено. Обратив в свое время внимание на «социальные» (то есть «общные», в общении возникающие, по сути) аспекты переживания индивидом направленности его сознания на вещь, Густав Шпет фактически указал на наличие неразрывной связи переживания интенциональности с ее выражением для Другого, то есть с формами языковой обращенности к Другому (в том числе и к самому себе как Другому). «В иной установке, – рассуждал он, – предполагается изучение языка не как деятельности субъекта, хотя бы и социального, а как *sui generis* социальной вещи: знака как такого. Наука о языке в этом смысле видит в языке не предмет и “продукт” этой деятельности, а данную заключенную в себе сферу средств социального бытия субъекта. Такая установка на вещь, на “мир языка”, на его историческую и социальную данность, уже не может базироваться на субъекте, а ее изучение – на психологии. Надо обратиться вновь к принципиальному основанию объективного словесного предмета. «Употребление» тут рассматривается не как руководимое чувством речевого субъекта пользование звуковым материалом и его формами, а как образование слова-понятия под формальным руководством внутреннего правила самого языка как такого. Сообразно этому, принципиальные основы такого изучения надо искать в особой социо-онтологии языка и в анализе конкретной структуры языкового сознания в целом» [Шпет 2007, 424].

И именно в этом феноменологическом ракурсе осмысленность языковой деятельности предстает как ее важнейший исторически определяющий момент. В предметном поле лингвистики проявился новый («дополнительный» к тому, на что указывал еще А.А. Потебня²) аспект «внутренней формы». В сфере исследования языка оказывается не только «осознаваемая говорящими мотивированность значения слова значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова» [Зализняк web], но прежде всего интенционально данное смысловое содержание слова как знака, по самой сути своей, предназначенного для понимания Другим. И лишь таким образом осмысленное слово «отправляет» к своему значению как знаку явленной вещи. Таким образом, смысловое измерение слова, образующее, по Шпету, его «внутреннюю форму», задает его понимание, а в конечном счете, и значение.

При этом Шпет дал весьма обстоятельную общую трактовку «социализированных» (исторических) форм выражения, в которых реализуется (переживается) интенциональность. Различая «поэтическое» и «логическое» в пространстве осмысленного общения, он детализировал классификацию вариантов смыслового развертывания содержания того, что является обращенному к вещи сознанию. В результате, в гумбольдтовской трактовке языковой деятельности как «непрерывного порождения» смыслов, проступили характеристики, связанные с ориентацией на общение, а стало быть, на условия взаимопонимания. И в этом ракурсе важнейшим моментом языковой деятельности выступает ее осмысленность.

Таким образом, по Шпету, «внутренние формы слова» обеспечивают выражение смысла представленной в сознании вещи. И именно в таком исследовательском контексте возникает тема интерпретации как важнейшего инструмента понимания, как аспекта переживаемой интенциональности. Об этой имманентной наполненности слова смыслами, а точнее, о смысловой определенности слова, Густав Шпет и повествовал в Московском лингвистическом кружке. Но, что опять-таки важно отметить в интересующем нас аспекте данной темы, его идеи были по-разному восприняты или, если

угодно, по-разному адаптированы членами этого кружка под конкретные позитивные цели анализа языка. По-своему они были восприняты в исследовательском поле группы «формалистов» (В.Б. Шкловский, О.М. Брик, Р.О. Якобсон, Ю.Н. Тынянов и др.), которые рассматривали коммуникативную функцию как присущую самому языку. Особым образом эти шпетовские идеи усваивались и в группе, обратившейся к исследованию живой, непосредственно направленной на общение языковой активности индивида – к его речевой деятельности. Члены этой группы более внимательно относились к философскому (по сути, феноменологическому) импульсу шпетовских рассуждений, переносящих мейнстрим исследований языка на деятельность. Одним из участников этой группы был Николай Иванович Жинкин.

Что касается группы «формалистов», то идеи Шпета о внутренней форме слова фактически проецировались ее представителями на уже сложившиеся к тому времени структурные методы исследования, предложенные Ф. де Соссюром. В рамках основной последней структурной лингвистики конкретные формы организации языка трактовались как жестко задающие значения отдельных элементов целостных языковых образований и, лишь тем самым, обеспечивающие выполнение языком функции осмысленного общения. Так что акцентированное Шпетом, методологическое, по сути, требование учитывать определяющую роль смысловых аспектов языковых образований по отношению к значениям отдельных элементов языка, в общем, допускало проекцию на установки структурной лингвистики (но лишь при инверсии самой сути феноменологических идей). С точки зрения структурной лингвистики, смысл элементов языка определяется структурой целостных, наиндивидуальных текстов, куда включаются эти элементы, а не интенциональным актом сознания. Тем не менее привносимая феноменологией акцентуация роли осмысленности в функционировании языка открывала новые исследовательские перспективы для «формалистов». Они увидели, что коммуникативно определенные языковые структуры можно переносить на самые различные области гуманитарной, знаковой по своей сути, реальности. Этот подход привел, в значительной мере благодаря усилиям Якобсона, к разработке общегуманитарной структуралистской методологии, наиболее ярко проявившейся в культурной антропологии (см.: [Автономова 2017; Шедрина 2017]).

Тезис о коммуникативной природе языка, адаптированный Якобсоном для лингвистики, филологии, этнологии и т.д., дал мощный импульс развитию этих наук на базе структуралистской методологии. Но вместе с тем, привнесенная Шпетом в гумбольдтовские идеи феноменологическая составляющая была в значительной мере сужена в силу ориентации исследований на анализ, прежде всего, формальной структуры гуманитарных феноменов. Из нее ушла ориентация на общение, связанная с историческим измерением понимания. Здесь в случае этой проекции гумбольдтовско-шпетовских трактовок языка сохраняется созвучность с феноменологическим отвлечением от материально-предметной данности объекта и обращением к смыслу, открывающая перспективу проникновения феноменологических идей в ткань позитивного гуманитарного исследования. Но при этом как бы отодвигается в тень конкретная историчность феноменологической направленности сознания на предмет и переживания явленного смысла этого предмета.

В отличие от формалистов, Н.И. Жинкин, долгое время занимавшийся исследованиями, внешне далекими от своих ранних философских поисков (и, соответственно, от концептуальных построений Г.Г. Шпета), в более поздний период творчества возвращается к проблеме соотношения языка и сознания. В контекст экспериментальной психологии он перенес знаково-семиотический и коммуникативный подходы к исследованию речевой деятельности индивида и начал использовать понятие «внутренней формы» для обозначения специфического феномена «внутренней речи». Таким образом, Жинкин совершает в психологии такой же поворот, какой был сделан Якобсоном в лингвистике: от философских трактовок языка и сознания (как исторически конкретных феноменов) к положительному гуманитарно-научному их исследованию (как реальных предметностей). Такие проекции отнюдь не исчерпывают эвристический

и эпистемологический потенциал шпетовской идеи **обогащения языкознания феноменологией**. Оба ученых сохранили структурно-семиотическую и коммуникативную направленность своих исследований языковых феноменов, но потеряли конкретную историчность, которую Шпет увидел в гумбольдтовской трактовке «внутренней формы языка». Шпет и феноменологию Гуссерля дополнял именно социальностью, под которой понимал исторически осуществляющуюся общительность людей. Именно поэтому А. Реформатский писал Р. Якобсону 15 декабря 1975 г.: «Но ведь мы оба учились у Густава, пророка Эдмунда на Руси. Об этом нельзя забывать!» (письмо сохранилось в архиве М. Реформатской, цит. по: [Шторх 2006, 329]). Шпет концептуально «оформливал» (его собственное выражение) дискуссии о внутренней форме, о языке, о смысле и слове как знаке, о личности как репрезентанте идеи. И во многом благодаря ему коммуникативный, ориентированный на общение подход был реализован сначала Якобсоном в лингвистике и культурной антропологии, а затем Жинкиным в психолингвистике.

Вместе с тем, мы считаем нужным подчеркнуть: идея общения (кстати, характерная для всей русской философии начала прошлого века) как смыслового развертывания внутренней формы слова, стимулировавшая и Якобсона, и Жинкина, трансформировалась ими в коммуникацию как структурную характеристику культуры (говоря в современной нам терминологии, в культурологический подход). Именно в этом качестве она реализовалась в структурализме, с одной стороны, и в экспериментальной психологии, с другой. Общение, направленное на поиск общезначимости, застыло в виде структуры коммуникаций, открывая возможность описания культурных стандартов, создающих общество и норм речевой деятельности. И надо полагать, именно по этой причине лингвисты и психологи забывают, что, говоря сегодня о когнитивных подходах к языку, они опираются на традицию русской философии, ориентированной на общение (а не только на анализ формальных коммуникаций).

Философский потенциал понятия «внутренняя форма» не исчерпан, оно может быть востребовано на методологическом уровне в когнитивистике, в компьютерном моделировании и, что особенно важно, в неформальной логике (ведь именно формальная логика подвергается переосмыслению в феноменологии) и аналитической философии. И как это ни парадоксально, современная неформальная логика может по праву считать себя наследницей не только европейских логиков, не только советских логиков-математиков (Попов, Яновская), но и Шпета, трактовавшего логику как диалектическую интерпретацию научных понятий, нацеленную на истину, на поиск единственного исторически определенного смысла. И если бы не идеологические (абсолютно «дикие» и абсурдные) директивные вмешательства, спор формальных логиков и диалектиков 1920-х гг. мог бы дать весьма значимые продуктивные результаты. Это еще одна интеллектуальная перспектива, истоки которой восходят к Гумбольдту и через Шпета, Якобсона и Жинкина выходящая на современные семиотические исследования. Этой проблеме посвящено публикуемое ниже письмо Н.И. Жинкина П.С. Попову.

Машинописный вариант письма Николая Ивановича Жинкина Павлу Сергеевичу Попову (не датирован) хранится в Центральном московском архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС), в фонде Н.И. Жинкина (Л-52-1-213). Орфография и пунктуация приближены к современным (ошибки и опечатки исправлены без специальных указаний), подчеркнутые слова и фразы выделены курсивом.

По-видимому, в письме речь идет о публичном выступлении П.С. Попова (по проблемам логики), на котором присутствовал Н.И. Жинкин. Судя по письму, на этом заседании также выступили: философ, математик, логик Софья Александровна Яновская (1896–1966)⁵ и философ, интересующийся проблемами логики, Иосиф Давыдович Левин (1901–1984)⁴. Обсуждались логические проблемы теории множеств, в том числе и парадоксы, сформулированные чешским математиком и философом Бернардом

Больцано (1781–1848). При чтении письма становится очевидным, что и на П.С. Попова, и на Н.И. Жинкина оказали влияние логико-философские идеи Г.Г. Шпета («семасиология» и «внутренняя форма слова»).

Примечания

¹ В философских энциклопедиях отсутствуют статьи о нем, исключение составляют [Алексеев 2002, 327–328; Мазур 1995, 181].

² Шпет писал: «На русском языке некоторые идеи Гумбольдта были популяризованы А.А. Потембею, но также в штейнталевской интерпретации (ср.: “В изложении антиномий Гумбольдта мы следуем Штейнталю”. Цит. по: *Потембня А.А. Мысль и язык*. 3-е изд. Харьков, 1913. С. 23); *Мысль и язык* Потемби печаталось в Ж.М.Н.П. в 1862 г., но действительную популяризирующую роль начало играть только в наше время» [Шпет 2007, 326].

³ Подробнее о С.А. Яновской см.: [Бажанов 2007, 302–324].

⁴ И.Д. Левин учился на факультете общественных наук Московского университета (1919–1922), в логико-методологическом плане на него оказал значительное влияние Г.Г. Шпет. В воспоминаниях Левин указывал, что наиболее плодотворным в осмыслении проблем логики был для него период 1926–1936 гг. «В начале – почти полностью в рамках традиционной логики, а потом и с учетом математической логики и, в частности проблем, возникающих на почве теории множеств. Но логика не была тут самоцелью: руководящим было стремление приспособить логику к требованиям знания...» [Левин 1991, 298].

Источники – Primary Sources and Translation

Гумбольдт 2000 – *Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества* // *Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию* / Пер. с нем; общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000 (Humboldt, Wilhelm von, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Russian Translation).

Левин 1991 – *Левин И.Д. «Шестой план»* // Историко-философский ежегодник / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Наука, 1991. С. 271–306 (Levin, Iosif D., “Sixth plan”, in Russian).

Шпет 2007 – *Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта* // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 325–501 (Shpet, Gustav G., *The Inner form of the Word. Etudes and Variations on Humboldt's Themes*, in Russian).

Шторх 2006 – *Шторх М.Г. Густав Шпет в воспоминаниях современников и учеников* // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / Под ред. В.А. Лекторского, Л.А. Микешинной, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 324–329 (Shtorkh, Marina G., *Gustav Shpet in the Memoirs of His Contemporaries and Students*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Автономова 2017 – *Автономова Н.С. «Русская наука» Романа Якобсона: идея и контекст* // Роман Осипович Якобсон / Под ред. Н.С. Автономовой, Х. Барана, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 167–184.

Алексеев 2002 – *Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2002.

Алексеева 2002 – *Алексеева И.Ю. Философия в современной России и русская философия* // Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2002. С. 12–15.

Бажанов 2007 – *Бажанов В.А. История логики в России и СССР*. М.: Канон+, 2007.

Гиндин 1998 – *Гиндин С.И. О чем не сказано в «Автобиографических справках»* // *Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество*. М.: Лабиринт, 1998. С. 346–352.

Гиндин 2010 – *Гиндин С.И. Теория и эксперимент в работах Н.И. Жинкина о киноискусстве (1927–1930)* // *Логос*. 2010. № 2 (75). С. 176–177.

Зализняк (web) – *Зализняк А.А. Внутренняя форма слова*. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html

Князева 2015 – *Князева Е.Н. Понятие «Umwelt» Я. фон Икскюля и его значимость для современной эпистемологии* // *Вопросы философии*. 2015. № 5. С. 30–43.

Мазур 1995 – Мазур С.Ю. Жинкин Николай Иванович // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. С. 181.

Романова 2015 – Романова Т.В. Антропологическая парадигма в истории языкознания: «язык индивида» (Г. Пауль), «язык как психический феномен» (В. Гумбольдт) // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXI / Под ред. Н. Болдырева. М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 116–121.

Щедрина 2017 – Щедрина Т.Г. Роман Якобсон: Густав Шпет у истоков семиотики и структурализма // Роман Осипович Якобсон / Под ред. Н.С. Автономовой, Х. Барана, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 129–151.

References

Avtonomova, Natalia S. (2017) “Russian Science by Roman Jakobson: Idea and Context”, Avtonomova, N.S., Baran, H., Shchedrina, T.G., eds., *Roman Osipovich Jakobson*, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, pp. 167–184 (in Russian).

Alekseev, Petr V. (2002) *Philosophers of Russia XIX–XX centuries. Biographies, ideas, works*, Akademicheskii Proekt, Moscow (in Russian).

Alekseeva, Irina Yu. (2002) “Philosophy in modern Russia and Russian philosophy”, Alekseev, Petr V., ed., *Philosophers of Russia XIX–XX centuries. Biographies, ideas, works*, Akademicheskii Proekt, Moscow, pp. 12–15 (in Russian).

Bazhanov, Valentin A. (2007) *History of Logic in Russia and the USSR*, Kanon +, Moscow (in Russian).

Gindin, Semen I. (1998) “What Autobiographical references don’t say”, Zhinkin, Nikolay I. *Language – Speech – Creativity*, Labyrint, Moscow, pp. 346–352 (in Russian).

Gindin, Semen I. (2010) “Theory and Experiment in the Works of N.I. Zhinkin About the Art of Cinema (1927–1930)”, *Logos*, Vol. 2 (75), pp. 176–177 (in Russian).

Zaliznyak, Anna A. (web) *Inner Form of the Word*, URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html (in Russian).

Knyazeva, Elena N. (2015) “J. von Uexküll’s Concept of Umwelt and its Significance for the Modern Epistemology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5, pp. 30–43 (in Russian).

Mazur, Sergey Yu. (1995) “Zhinkin Nikolai Ivanovich”, *Russkaya filosofiya: Malyy entsiklopedicheskii slovar’*, Nauka, Moscow, p. 181 (in Russian).

Romanova, Tatiana V. (2015) “Anthropological Paradigm in the History of Linguistics: the Language of the Individual (H. Paul), Language as a Mental Phenomenon (W. Humboldt)”, Boldyrev, N., ed., *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, Institut yazykoznaniya RAN; TGU im. G.R. Derzhavina, Moscow, Tambov, pp. 116–121 (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G. “Roman Jakobson: Gustav Shpet at the Origins of Semiotics and Structuralism”, Avtonomova, N.S., Baran, H., Shchedrina, T.G., eds., *Roman Osipovich Jakobson*, Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, pp. 129–151 (in Russian).

Сведения об авторах

ПРУЖИНИН Борис Исаевич –

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ.

Author’s Information

PRUZHININ Boris I. –

DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief, “Voprosy Filosofii”.

SHCHEDRINA Tatiana G. –

DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at MPGU.

Письмо П.С. Попову

Н.И. Жинкин

Дорогой Павел Сергеевич!

Ваш доклад ставит интереснейшие проблемы и настоятельно вынуждает ответить на парадоксы, мимо которых нельзя пройти.

К сожалению, я не могу дать реплику по самому главному и интересующему вас вопросу о ядре понятия и о транзитивных и не транзитивных признаках, так как Вы только наметили, но не изложили этой теории во всей полноте. Из всего видно, что этот вопрос у Вас разработан гораздо более подробно, но в контексте этого доклада вам пришлось ограничиться лишь немногими замечаниями.

Однако путь, по которому вы идете в надежде решить и правильно поставить проблему, мне представляется плодотворным. Именно в этом направлении и надо двигаться.

Вопрос идет в конечном счете о выражении и о предложении, то есть способах выражения суждения в предложении. В связи с этим о терминах предложения и о понятиях в суждении. Ведь формальная логика не проводит различия между значением термина и понятием, поэтому средства выражения неясно отличаются от мыслимого предмета как такового в особенности, если этот предмет формальный и имеет свою особую иерархию отношений. В связи с этим эта предметно формальная иерархия может быть легко спутана с иерархией понятий терминов, а при путанице всегда возникает кватернио терминомум и парадоксы.

Ведь и в докладе Яновской ставился вопрос о предложениях (выражении) и о множествах. Она говорила – «возьмем предложения», – потом сразу переходила к тому или другому типу множеств. Вот этот переход от предложения к множеству и является проблемой и источником парадоксов. Попытка логистики уйти от предложения в сферу символики в этом отношении характерна. Этот отход не правилен по самой сути дела, так как задача и состоит в том, чтобы выяснить природу выражения и выражаемого им множества или других предметных отношений. В конечном счете попытка математической логики уйти от предложения не удастся, так как символ имеет словесное значение и является скрытым предложением и суждением. Своей символикой они пытаются, пожалуй, экономнее выразить *прямо* предметно-формальные отношения, свернув синтаксическую структуру предложения и главным образом целиком уничтожить фразу. Получается своеобразное выражение, специфический язык, однако не лишенный ни предложения, ни тем более суждения. Экономность символики получается в результате уничтожения фразы. Теперь уже некуда положить ударения и вообще интонацию, поэтому количество имплиците возможных суждений уменьшается. Но это не значит, <что> в символическом выражении невозможно *развернуть* предложения, а развернув, мы будем иметь и ударение, и синтаксическую форму. Правда экономия сохранилась, так как ударение определено точно и без контекста других предложений. Таким способом составляя алгоритм разных символических выражений, получается возможность выявить и сами предметно-формальные отношения, убрав ряд побочных значений, которые всегда имеются в исторически сложившемся языке.

Таким образом, символика математической логики <имеет> доброе зерно истины. Но для того, чтобы раскопать это жемчужное зерно, надо встать на путь лингвистического и семантического анализа, то есть на тот путь, от которого отмахивается логистика. Выставляя свою теорию ядра понятия, Вы и становитесь, по моему мнению, на правильный путь семантического анализа. Этот путь мне тем более приятен, что я сам вижу решение этого и многих других логических вопросов и в проблеме имплицитных суждений, а эта проблема и есть не что иное, как первая глава темной науки – семасиологии.

Но мои замечания по вашему докладу могут ограничиться только подходом к постановке интересующей нас проблемы. Этот подход крайне необходим, так как без него мы впадаем в паралогизмы. Вместе с тем различения, которые здесь необходимо провести, достаточно элементарны.

Вопрос идет о том, чтобы не смешивать ступени генерализации и ступени формализации. Генерализация это отношение вида к роду. Формализация это отношение элементов и формы, части и целого, органа и функции, представителя и того, кого он представляет, множества к индивиду и многое другое. Первое – это отношение понятий, второе – это отношение в области формальной онтологии. Эти последние отношения могут быть весьма разнообразны, как по содержанию отношений, так и по охвату их материального наполнения.

Проведение этого различия решает парадоксы типа Больцано.

Действительно, предложения: 1. знающие все европейские языки, и 2. знающие все живые европейские языки, могут быть рассмотрены по ступеням генерализации и по ступеням формализации. В первом случае *объем понятия* «знающих европейские языки» будет шире (как и положено), чем объем понятия «знающих живые европейские языки». Иначе мы не могли бы понять значения этих терминов. Это легко проверяется, если приложить это понятие к отдельному человеку. «*Всякий*» из тех, кто знает живой европейский язык (3) несомненно входит в состав или в класс тех, кто знает вообще европейские языки. Это суждение имплицитно содержится в предложениях 1 и 2 рядом поставленных, хотя эти предложения как одночленные и не являются эксплицитными суждениями. Если бы мы энтимематически не мыслили этого имплицитного суждения в контексте данных двух предложений, мы не могли бы понять их смысл, потому что нельзя мыслить понятие «живой европейский язык» не входящим в понятие «европейский язык» – это подчиненные понятия, а подчинение есть ход мысли. Если не будет хода мысли, не будет и мысли, а следовательно, понимания и понятия. Понимание возможно только в том случае, когда я один и другой раз иду *по одному и тому же* ходу мысли или когда один и другой человек идут *по одному и тому же* ходу мысли. Это закон тождества. Если я понимаю эти два предложения, значит закон тождества не нарушен.

Дальнейший анализ должен остановиться на слове «все». Нетрудно видеть, что в моем только что приведенном толковании я вместо «все» сказал «всякий» – «всякий из тех, кто знает и так далее» (3). Я поступил правильно, так как это имплицитное суждение «всякий, кто знает и так далее» действительно содержится в данных предложениях. Без этого, как видели, мы не могли бы понять, а потому и правильно употреблять значение слов «знающих европейские языки». У нас бы получилось, что «живые европейские языки» не являются или в лучшем случае не имеют никакого отношения к европейским языкам. Но это не так, мы знаем, что понятие «живые европейские языки» входит в состав понятия «европейские языки». Следовательно, имплицитное суждение со словом «всякий» в данных предложениях (1, 2) имеет место, хотя это слово «всякий» в предложении не выражено. Суждение 3 подразумевается в предложениях 1, 2 и на нем держится генерализация.

Но также два предложения 1, 2 допускают новое имплицитное суждение – «знающий *все*... и т.д.», то есть предложение со словом «все» (4). Желая понять смысл этого нового суждения, мы видим, что оно прямо говорит о некотором предмете, именно о *множестве* тех людей, которые знают все европейские и все живые европейские языки.

Суждение 3 не говорило о множествах, а говорило о «всяком отдельном». Суждение 4 говорит о множествах. Возникает проблема – можно ли говорить о множествах, не говоря «о всяком отдельном индивидууме». Я думаю, что нельзя. Нельзя высказать суждения о чем-нибудь, не имея в виду этого отдельного чего-нибудь – чтобы это ни было, хотя бы и множество, так как и множество есть отдельное «что-нибудь». Всё это значит, что классы мыслей или классы понятий это совершенно специфическая и самая универсальная область «*всякого*», «*любого*» мыслимого предмета, поэтому генерализация по необходимости будет заключена в каждом предложении и каждом суждении. Но наряду с этим собственным предметом суждения будет какой-либо формальный или материальный объект. Связь этих объектов между собой уже не будет генерализацией.

Действительно, множество людей, знающих все европейские языки, меньше, чем множество людей, знающих все живые европейские языки, знают больше тех, кто знает

только живые европейские языки, но знать больше труднее, чем знать меньше, поэтому часть людей без нужды не будет затрачивать усилия на изучении кроме всех живых еще и всех мёртвых европейских языков. Выходит, что в предложениях 1, 2 заключены не только разные суждения, но даже довольно сложное умозаключение, в результате которого мы приходим к установлению двух множеств – множество знающих все европейские языки в (I) и множество знающих все живые европейские языки во (II).

Стало быть заметим прежде всего, что к множествам в данном случае мы приходим на основе умозаключения (эксплицитного). Обратите внимание, между прочим, на данные Вашего самонаблюдения. Вам приходится некоторое время подумать, прежде чем вы догадаетесь – почему же множество I меньше, чем множество II. В это время и протекает процесс умозаключения. Путь к множеству через умозаключение явление весьма важное, так как множество всегда известным образом «составляется», «отбирается», «конструируется».

Но не только эта особенность характеризует полученные нами множества. Данные найденные множества являются диспаратными – ни одно не входит в другое. Вот почему неверно думать то, что утверждал Левин, что отношение между предложениями 1, 2 указывает на отношение части и целого. Что же здесь часть и что целое? Ведь целое больше части и часть входит в целое. В нашем же случае большим множеством является II (знающие все живые европейские языки), но разве в это множество как часть входит другое I (знающие все европейские языки), конечно нет. Те, кто знает все европейские языки не входят частью в тех, кто знает только живые европейские языки. Это ясно. Но не может быть и наоборот – нельзя думать, что знающие все европейские языки это целое, а те, кто знает только живые европейские языки, часть этого целого, так как множество I меньше, чем II, а большее не может быть частью меньшего. Да и по смыслу получается иначе. Те, кто знают все европейские языки, не содержат в своем составе тех, кто знает только живые европейские языки. Это диспаратные, исключающие по составу индивидуумов множества. Допустим, что людей, знающих все европейские языки, трое, а людей, знающих все только живые европейские языки, 100 человек. Нельзя сказать, что эти 100 входят в состав 3-х, нельзя сказать, что эти 3 входят в состав 100, так как они отличаются от любого из этих 100 тем, что знают больше их. Как множество они диспаратны и только с учетом диспаратности знание об этих множествах имеет ценность. Если бы мы хотели опубликовать списки тех или других людей, или воспользоваться всей полнотой их знаний, нам пришлось бы составить два отдельных, диспаратных списка. Правда, мы признали бы все преимущества по качеству (кроме количества) за списком из 3-х, так как входящие в этот список понадобились бы нам и в случае применения знаний всех мертвых и всех живых европейских языков. Но это бы значило, что мы снова встали на путь генерализации, так как рассуждали бы так: *всякий* знающий все европейские языки тем самым знает и все живые европейские языки. Но это рассуждение не уничтожает необходимости спутывать или соединять списки. Наоборот, списки с обозначением разных множеств индивидуумов остаются отдельными. Несмотря на раздельность данных множеств, мы можем всё же установить отношения между ними, сказав, одно множество меньше, чем другое. Это отношение количества иное, чем отношение понятий по количеству. Отношение понятий по количеству обозначает, что для понимания индивида или вида, мы должны отнести его в состав какого-либо рода, иначе не будет составлено понятие о нем.

Но существуют множества, которые как множества не входят друг в друга, одно не входит в состав другого. Это есть наш случай. Следовательно, ход формализации и ход генерализации различны. На смешении этих ходов и возникает парадокс типа Больцано.

Но вместе с тем, нетрудно заметить, что в предложениях 1 и 2 заключено также и имплицитное суждение о части и целом. Действительно, сами живые европейские языки, конечно, являются частью целого, то есть всех европейских языков. Иначе говоря, европейские языки разделяются на две части: а) мертвые языки и в) живые языки. В таком случае, мы уже не говорим ни о генерализации понятий, ни о диспаратных

множествах (о тех людях, которые знают все европейские языки, и о тех, которые знают только живые), но мы не могли бы разделить целое на части, если бы не имели *понятия* о части и целом. Таким образом выходит, что как в случае с диспаратными множествами, так и здесь нам необходимо генерализировать для того, чтобы построить и понять предложение (выражение), но, построив предложение, мы видим, что сами вещи, как и предметы высказывания имеют другие отношения, чем отношения между понятиями. Последние подчиняются закону генерализации, первые – законам вещественных отношений. Соблюдение первых законов необходимо для того, чтобы правильно отразить законы связи самих вещей. В результате следует признать различными следующие ряды:

I – A. Все европейские языки. B. Все мертвые европейские языки. C. Все живые европейские языки. II – A₂. Множество людей, знающих все европейские языки. B₂. Множество людей, знающих только мертвые европейские языки (там могут быть китайцы, не знающие живого европейского языка, но знающие мертвые европейские, но конечно не может быть множества людей, знающих мертвые языки и не знающих не одного (родного)). III – A₃. язык (род). B₃. Европейский язык (вид). C₃. Мёртвый европейский язык (вид европейского языка). C₄. Живой европейский язык (другой вид европейского языка). IV – A₅. Отношения между вещами (род). B₅. Целое (вид этих отношений). C₅. Часть (другой вид этих отношений). V. – A₆. Коллекция индивидов, множество (род). B₆. диспаратные множества (вид множеств). C₆. Частично входящие друг в друга множества (другой вид этого рода).

Первые два рода I и II имеют то общее, что являются ступенями формально-онтологических отношений и отличаются друг от друга характером этих отношений. Вторые три рода III, IV и V имеют то общее, что являются ступенями генерализации понятий и отличаются друг от друга по содержанию, то есть по признакам. Без рода генерализации невозможно построить осмысленных предложений, предметом которых являлся бы онтический род.

Всякий раз как появляются наблюдения за каким-нибудь новым формально онтологическим рядом, возникает aberrация, что этот ряд ниспровергает или уменьшает универсальность генерализации. Но это конечно неверно.

Так, имея в виду отношения представительства, можно построить ряд парадоксов «без вычитания».

Парадокс «с отпечатками в книгах» был построен, как правильно замечали в прениях, «с вычитанием» (книг без опечаток меньше, чем книг без смысловых опечаток). Но может быть построен парадокс и без вычитания. Например: количество клиентов у адвоката меньше, чем количество клиентов у самого преуспевающего адвоката. Здесь мы не производим вычитания, (не говорим «без»), но парадокс получается вследствие специфичности отношения представительства адвоката к своим клиентам. Парадокс «с европейскими языками» получался тоже при помощи скрытого вычитания.

Действительно, предложение 2 – знающие живые европейские языки, мы строили, «вычитая» или убирая два передающих слово, скрыто подразумеваемых в предложении 1 – знающие все европейские языки (подразумеваются все: а) *живые* и в) *мертвые*). Вследствие этого, данный парадокс следует признать грубым, хотя и поучительным для установления взаимоотношений между множеством и предложением, в котором оно выражается.

Приводимый мной парадокс с адвокатом более чист и безупречен. Действительно, просто адвокат имеет меньше клиентов, чем преуспевающий или высококвалифицированный. Во втором случае мы не вычитаем, а явно прибавляем новый признак, которого не подразумевалось в понятии адвоката первого предложения. Несмотря на прибавление признака, количество увеличилось, а не уменьшилось.

Конечно и этот более безупречный парадокс разгадывается так же легко, как и все остальные. Множество клиентов в первом случае будет меньше, чем во втором – это онтический ряд представительства.

Однако понятие «адвокат», конечно, шире, чем понятие «преуспевающий адвокат», а понятие «клиент» в обоих случаях берется по объёму равнозначно, имея в виду «всякий клиент адвоката». Если бы мы как-нибудь определили клиента, то мы бы, конечно, сузили понятие. Но сузив понятие адвоката, мы расширили *множество* лиц им представляемых. Таким образом, отношение представительства иное, чем отношение между понятиями.

Законы взаимоотношения понятий не знают исключений. Им подчиняется всё, что утверждается скрыто или открыто в предложении, в том числе нельзя ничего утверждать и о множествах, минуя закон генерализации понятий. Всё это не значит, что для логиков не осталось работы. Область семантических типов суждений и средств их выражения в предложениях в связи с разными сферами бытия является ещё совершенно не исследованной.

Публикация Б.И. Пружинина и Т.Г. Щединой